

12 лет рабства. Реальная история предательства, похищения и силы духа

Автор:

[Соломон Нортап](#)

12 лет рабства. Реальная история предательства, похищения и силы духа

Соломон Нортап

Проект TRUE STORY. Книги, которые вдохновляют (Эксмо)

В 1853 году книга «12 лет рабства» всполошила американское общество, став предвестником гражданской войны. Через 160 лет она же вдохновила Стива МакКуина и Брэда Питта на создание киношедевра, получившего множество наград и признаний, включая Оскар-2014 как «Лучший фильм года».

Что же касается самого Соломона Нортапа, для него книга стала исповедью о самом темном периоде его жизни. Периоде, когда отчаяние почти задушило надежду вырваться из цепей рабства и вернуть себе свободу и достоинство, которые у него отняли.

Текст для перевода и иллюстрации заимствованы из оригинального издания 1855 года. Переводчик сохранил авторскую стилистику, которая демонстрирует, что Соломон Нортап был не только образованным, но и литературно одаренным человеком.

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Соломон Нортап

12 лет рабства. Реальная история предательства, похищения и силы духа

Solomon Northup

Twelve Years a Slave

Narrative of Solomon Northup, a citizen of New York, kidnapped in Washington-city in 1841, and rescued in 1853, from a cotton plantation near the Red River, in Louisiana

Иллюстрации и текст для перевода заимствованы из издания 1855 года, выпущенного MILLER, ORTON & MULLIGUN, New York

© Мельник Э.И., перевод на русский язык, 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Серия «True Story»

«Затерянные в Шангри-Ла»

Автор: Митчелл Зукофф

Реальная история о том, как увлекательное путешествие обернулось авиакатастрофой и отчаянной борьбой за выживание на диком острове, населенном туземцами-каннибалами. Признана «ЛУЧШЕЙ КНИГОЙ 2011 ГОДА».

«В тени вечной красоты. Жизнь, смерть и любовь в трущобах Мумбая»

Автор: Кэтрин Бу

Лучшая книга 2012 года, по мнению более 20 авторитетных изданий. Герои книги живут в трущобах, беднейшем квартале Индии, расположенном в тени ультрасовременного аэропорта Мумбаи. У них нет настоящего дома, постоянной работы и уверенности в завтрашнем дне. Но они хватаются за любую возможность вырваться из крайней нищеты, и их попытки приводят к невероятным последствиям...

«12 лет рабства. Реальная история предательства, похищения и силы духа»

Автор: Соломон Нортап

Книга Соломона Нортапа, которая стала исповедью о самом темном периоде его жизни. Периоде, когда отчаяние почти задушило надежду вырваться из цепей рабства и вернуть себе свободу и достоинство, которые у него отняли. Текст для перевода и иллюстрации заимствованы из оригинального издания 1855 года. По этой книге был снят фильм «12 лет рабства», номинированный на «Оскар-2014».

«Побег из лагеря смерти (Северная Корея)»

Автор: Блейн Харден

Международный бестселлер, основанный на реальных событиях. Книга была переведена на 24 языка и легла в основу документального фильма, получившего мировое признание. Книга-скандал! Герой книги Шин – единственный в мире человек, который родился в северокорейском концлагере и смог оттуда сбежать.

«Завтра я иду убивать. Воспоминания мальчика-солдата»

Автор: Ишмаэль Бих

Исповедь молодого человека из Сьерра-Леоне, который после нападения боевиков на его родной поселок потерял всех членов своей семьи и был вынужден вступить в армию в возрасте 13 лет. К 16 годам он уже был профессиональным убийцей, не задающим лишних вопросов. «Завтра я иду убивать» позволяет нам взглянуть на войну глазами подростка, более того – подростка-солдата.

* * *

Соломон в своей невольничьей одежде на плантации

Это необыкновенное совпадение – то, что Соломона Нортапа привезли на плантацию в долине Ред-Ривер – в те самые места, где разыгрывались события невольничьей жизни Дяди Тома. Рассказ Соломона об этой плантации и об образе жизни на ней и некоторые события, которые он описывает, образуют поразительную параллель двух историй.

Гарриет Бичер-Стоу

Ключ к Хижине дяди Тома[1 - Г. Бичер-Стоу говорит об удивительном совпадении событий сочиненного ею романа с предлагаемым читателю документальным повествованием Нортапа. Эпиграф отсылает нас к книге Г. Бичер-Стоу, выпущенной спустя год после публикации ее «Хижины дяди Тома» (1852). «Ключ...» вышел в ответ на многочисленные обвинения в том, что события ее нашумевшего романа о пожилom рабе-негре – неправдоподобная выдумка. «Ключ к Хижине дяди Тома», среди прочего, содержал документальные материалы, подтверждающие совпадение творческого прозрения писательницы с реалиями жизни рабов американского Юга. (Гарриет утверждала, что «Хижина...» не была калькой с чьей-то истории, а лишь ее собственным художественным промыслом, которым руководил сам Бог.) – Прим. ред.]

Со всем уважением посвящается Гарриет Бичер-Стоу, имя которой во всем мире связывают с великой реформой[2 - Речь, видимо, идет об отмене рабства. В 1854 году в США появилась Республиканская партия, стремившаяся запретить рабство негров на Юге и Западе США. В 1860 году президентом США стал представитель этой партии Авраам Линкольн. А в 1861-м началась Гражданская война (война Севера и Юга), результатом которой стала полная отмена рабства. (Юридически это произошло на два года позже, чем в России.) - Прим. ред.]. Это повествование дает еще один ключ к ее «Хижине дяди Тома»

Такие простофили за обычай

Так держатся, так склонны почитать

Всё древнее, ссылаются так рьяно

На долгие лета седых традиций,

Что даже рабство, худшее из зол —

А как иначе? ведь наследье предков! —

Блюдут и охраняют, как святыню.

Но гоже ли - и так ли уж бесспорно,

Коли разумно к спору подойти —

Чтоб человек, кто соткан, как иные,

Из необузданных страстей, в ком похоть

И глупость встретились в не меньшей мере,

Нежель в рабе, которым он повелевает, —

Так гоже ль быть ему единоличным

Всевластным деспотом и похваляться,

Что на своей земле свободный - он один?

Уильям Коупер[3 - Уильям Коупер (1731-1800) - английский поэт, один из деятелей английского «возрождения поэзии» начала XX в.; цитата из поэмы «Задача».]

Предисловие первого издателя

Когда издатель приступил к приготовлению нижеследующего повествования, он не предполагал, что оно вырастет до размеров этого тома. Однако ради того, чтобы изложить все факты, сообщенные ему, представилось необходимым, чтобы повествование достигло своей нынешней продолжительности.

Многие утверждения, содержащиеся на следующих страницах, подтверждаются изобильными доказательствами – другие же полагаются исключительно на уверения Соломона. В том, что он строго придерживался истины, по крайней мере сам издатель, имевший возможность выявить любое противоречие или несоответствие в его утверждениях, вполне уверен. Он неизменно повторял одну и ту же историю, не отклоняясь от нее ни в малейшей частности, а также тщательно просматривал рукопись, отмечая изменения во всех местах, где возникала самая незначущая неточность.

Так сложилась судьба Соломона во время его пленения, что он принадлежал нескольким хозяевам. То, как с ним обращались во время пребывания в «Сосновых Лесах», показывает, что среди рабовладельцев были не только жестокие люди, но и гуманные. О некоторых из них в тексте говорится с чувством благодарности – о других с чувством горечи. Полагаем, что нижеследующий рассказ о его переживаниях на Байю-Бёф представляет точную картину рабства, со всеми ее светом и тенями, в том виде, как она ныне существует в этой местности. Единственной целью издателя – человека не подверженного, по его собственному мнению, каким-либо предрассудкам или заранее составленным суждениям – было изложить правдивую историю жизни Соломона Нортапа такой, какой он услышал ее из собственных уст автора.

Издатель верит, что ему удалось преуспеть в достижении этой цели, несмотря на многочисленные изъяны стиля и выражения, которые книга может содержать.

Дэвид Уилсон

Уайтхолл, Нью-Йорк, май 1853 года

Рассказ Соломона Нортапа

Глава I

Поскольку я был рожден свободным человеком и более тридцати лет наслаждался благами свободы в свободном штате – а под конец этого времени был похищен и продан в рабство, в коем и оставался до моего счастливого спасения в месяце январе 1853 года, пробыв в неволе 12 лет, – было высказано предположение, что рассказ о моей жизни и судьбе окажется небезынтересен публике.

С момента моего возвращения на свободу от внимания моего не ускользнул растущий во всех северных штатах интерес к вопросу рабства. Беспрецедентное число произведений в жанре художественного вымысла, претендующих на то, чтобы изображать его черты в их наиболее привлекательных и наиболее отталкивающих аспектах, ходит ныне из рук в руки – и, как я понимаю, создает плодотворную тему для комментариев и обсуждения.

Я могу высказываться о рабстве лишь в той мере, насколько оно было доступно моему наблюдению – насколько я познал и испытал его на себе. Моя цель – дать честное и правдивое изложение фактов: повторить без преувеличения историю моей жизни, предоставляя другим определять, способен ли даже художественный вымысел вообразить картину столь жестокой несправедливости и суровой неволи.

Настолько, насколько я мог удостовериться, предки мои со стороны отца были рабами на Род-Айленде. Они принадлежали семейству, носившему фамилию Нортап, и один из членов этого семейства, перебравшись в штат Нью-Йорк, осел в Хусике, что в графстве Ренселер. Он привез с собой Минтуса Нортапа, моего отца. По смерти этого джентльмена, которая случилась, должно быть, лет около пятидесяти назад, отец мой стал свободным человеком, получив вольную по указанию, сделанному в его завещании[4 - Здесь читателю стоит напомнить, что

в северных штатах, к которым принадлежит и штат Нью-Йорк, рабство было отменено гораздо раньше, чем на американском Юге, куда потом и угодил герой повествования. – Прим. ред.].

Родственник семейства, при котором жили и служили мои предки и от которого переняли фамилию, принадлежащую ныне мне, – Генри Б. Нортап, эсквайр, из Сэнди-Хилл, весьма достойный адвокат и человек. Ему по воле Провидения обязан я своей нынешней свободой и возвращением в общество жены моей и детей. На счет этого факта можно отнести то неизменное участие, которое он всегда проявлял к моей судьбе.

Вскоре после обретения свободы отец мой перебрался в городок Минерва, что в графстве Эссекс, штат Нью-Йорк, где я и родился в месяце июле 1808 года. Долго ли он оставался в упомянутом городе, у меня нет возможности разузнать с определенностью. Оттуда он перебрался в Грэнвиль, в графстве Вашингтон, и поселился в местечке, известном под названием Слайборо, где несколько лет трудился на ферме Кларка Нортапа, еще одного родственника своего прежнего хозяина. Оттуда он ушел на ферму Олдена, что на Мосс-стрит, поодаль к северу от деревни Сэнди-Хилл. А уж потом на ферму, которая ныне принадлежит Расселу Прэтту и расположена близ Форт-Эдварда, где отец и жил вплоть до своей смерти, наступившей в 22-й день месяца ноября 1829 года. Он оставил по себе вдову и двух детей: меня самого и Джозефа – моего старшего брата. Последний и сейчас живет в округе Освего, неподалеку от города с тем же названием; мать моя умерла, пока я был в неволе.

Хоть и рожденный рабом и пережив много неблагоприятных обстоятельств, коим подвержена моя несчастливая раса, отец мой был человеком уважаемым за трудолюбие и честность, – что готовы засвидетельствовать многие из ныне живущих, которые хорошо его знали. Вся его жизнь прошла в мирных земледельческих трудах. И он никогда не искал себе более выгодных занятий из тех, что, кажется, специально назначены для выходцев из Африки. Помимо того что он дал нам образование, превосходящее обычные знания, положенные детям нашего общественного положения, отец достиг благодаря своему трудолюбию и бережливости достаточной состоятельности для преодоления имущественного ценза, наделявшего его правом голосовать на выборах. У него была привычка рассказывать нам о своей молодости. И хотя он всегда лелеял самые теплые чувства сердечной привязанности и даже любви к семейству хозяина, в чьем доме был невольником, он неплохо разбирался в приемах рабства и с горечью говорил об унижении нашей расы. Он старался внушить

нашим умам нравственные чувства и учил нас возлагать свою веру и доверие на Того, Кто заботится обо всех Своих созданиях – и низших, и высших. Как часто с тех пор воспоминание о его отеческих советах являлось мне, когда я лежал в невольничьей хижине в далеких и нездоровых краях Луизианы, испытывая жгучую боль от незаслуженных ран, нанесенных мне рукою бесчеловечного хозяина, и желая лишь, чтобы могила, сокрывшая отца моего, защитила и меня от кнута угнетателя! На церковном кладбище в Сэнди-Хилл скромный надгробный камень отмечает то место, где он почивает, достойно исполнив долг, присущий тому непритязательному кругу, в коем Господь назначил ему обретаться.

Вплоть до того времени я был в основном занят фермерскими трудами вместе с моим отцом. Выдававшиеся мне часы досуга я, как правило, проводил за книгами или за игрой на скрипке – развлечение это было главной страстью моей юности. Оно и впоследствии служило источником утешения, доставлявшим удовольствие простодушным созданиям, с которыми свел меня жребий, и на многие часы отвлекало мои собственные мысли от горьких раздумий о моей судьбе.

В день Рождества 1829 года я женился на Энни Хэмптон, цветной девушке, жившей тогда неподалеку от нашей фермы. Церемонию в Форт-Эдварде провел Тимоти Эдди, эсквайр, мировой судья этого городка. (Он по-прежнему видный гражданин Форт-Эдварда.) Будущая жена моя долгое время жила в Сэнди-Хилл у мистера Бэрда, владельца таверны «Орел», а также в семействе преподобного Александра Праудфита из Салема. Сей джентльмен много лет руководил пресвитерианским обществом в Салеме и был почитаем всеми за свою ученость и благочестие. Энни до сих пор с благодарностью вспоминает необычайную доброжелательность и мудрые советы этого доброго человека. О родословной своей она не может сказать ничего определенного, но в ее венах течет кровь трех рас. Трудно сказать, которая из них преобладает – красная, белая или черная. Однако их смешение наделило ее такой необычной, но приятной внешностью, какую нечасто встретишь. Ее нельзя с точностью определить как квартеронку, хоть она и несколько напоминает этот тип – к которому, я еще не упомянул, принадлежала и моя мать.

Я только-только вышел из возраста несовершеннолетия, достигнув двадцати одного года в предшествующем месяце июле. Лишенный отцовского совета и помощи, с супругой, зависевшей от моей поддержки, я решился вступить в жизнь трудового человека. И несмотря на темную кожу и осознание своего низкого положения, я предавался приятным мечтам о грядущих добрых

временах, когда обладание каким-нибудь скромным домиком с несколькими акрами прилегающей к нему земли вознаградит мои усилия и принесет мне средства к счастью и успокоению.

Со дня моей свадьбы и по сей день любовь, которую я питаю к жене моей, остается искренней и неугасимой. И лишь тот, кто ощущал пылкую нежность отца, обожающего своих отпрысков, способен понять мою привязанность к детям, которые с тех пор у нас родились. Я считаю подходящим и необходимым сказать это – дабы те, кто читает эти страницы, могли понять всю остроту и горечь страданий, которые мне суждено было вынести.

Сразу же по заключении нашего брака мы принялись вести хозяйство в старинном доме, тогда стоявшем на южной окраине Форт-Эдварда и который с тех пор преобразился в современный особняк, в последнее время занимаемый капитаном Лэтропом. Дом этот известен под названием Форт-Хаус. Некогда, после образования нашего графства, здесь проходили заседания суда. Кроме того, в 1777 году его занимал Бургойн[5 - Джон Бургойн (1730-1792) - английский генерал, главнокомандующий британскими войсками, в 1777 г. в результате сражения при Саратоге сдался республиканским войскам. - Прим. перев.], поскольку дом расположен неподалеку от старой крепости на левом берегу Гудзона.

Зимой я нанялся с другими на работы по восстановлению канала Шамплейн – в той его части, где управляющим был Уильям ван Нортвик. Непосредственным начальником над нами был Дэвид Макикрон. К весне, когда канал открылся, я имел случай, воспользовавшись сбережениями из своего жалованья, купить пару лошадей и другие вещи, необходимые для бизнеса в судоходстве.

Наняв себе в помощь несколько умелых подручных, я подрядился на сплав больших плотов строевого леса из озера Шамплейн в город Трой. В нескольких поездках меня сопровождали Дайер Беквит и некий мистер Бартеми из Уайт-Холла. За тот сезон я вошел во все тонкости искусства и секретов сплава плотов. Эти знания впоследствии дали мне возможность оказать ценную услугу достойному хозяину и вызвать изумление у простодушных лесорубов на берегах Байю-Бёф.

Во время одной из моих поездок по озеру Шамплейн меня склонили к мысли посетить Канаду. Направившись в Монреаль, я повидал кафедральный собор и другие достопримечательности этого города, откуда продолжил свое

путешествие в Кингстон и другие города, обретая знания об особенностях этой местности, что тоже впоследствии сослужило мне добрую службу – как читатель узнает ближе к концу моего повествования.

Завершив свои подряды на канале, к вящему удовлетворению моего нанимателя и своему собственному, и не желая оставаться праздным, когда судоходство на канале вновь остановилось, я заключил другой подряд, с Медадом Ганном, на рубку большого массива леса. Этим делом я был занят всю зиму 1831–1832 гг.

К возвращению весны у нас с Энни появился замысел взять внаем какую-нибудь ферму по соседству. Земледельческий труд был знаком мне с ранней юности, и это занятие соответствовало моим вкусам. И я договорился об аренде части старой фермы Олдена, где некогда жил мой отец. С одной коровой, одной свиньей, парой прекрасных волов, которую я незадолго до того приобрел у Льюиса Брауна в Хартфорде, и прочей личной собственностью и пожитками мы перебрались в наш новый дом в Кингсбери. В тот год я засадил кукурузой 25 акров[6 - 10 гектаров.], засеял обширные поля овсом и принялся фермерствовать настолько широко, насколько позволяли мои средства. Энни неустанно занималась домашними делами, в то время как я усердно трудился в поле. В этом месте мы прожили до 1834 года.

Зимой меня не раз звали играть на скрипке. Где бы молодежь ни затеяла танцы, почти неизменно там оказывался я. Во всех окрестных деревнях славилась моя скрипка. Да и Энни за время своего долгого жительство в таверне «Орел» стала известной местной кухаркой. Во время сессий суда и общественных праздников ее нанимали за высокую плату на кухню в кофейню Шеррилла.

Не было случая, чтобы после такой усердной работы мы вернулись домой без денег в карманах. Таким образом, играя на скрипке, стряпая и фермерствуя, мы вскоре оказались обладателями некоторого достатка и, в сущности, вели счастливую и благополучную жизнь. Право, мы только выиграли бы, если бы остались на той ферме в Кингсбери; но пришло время, когда должен был быть сделан следующий шаг навстречу ожидавшей жестокой судьбе.

В марте 1834 года мы перебрались в Саратога-Спрингс и поселились в доме, принадлежавшем Дэниелу О'Брайену, на северной стороне Вашингтон-стрит. В то время Исаак Тейлор держал большой пансион, известный под названием «Вашингтон-Холл», на северном конце Бродвея. Он нанял меня кучером, и в этом качестве я служил ему два года. Потом я, как правило, нанимался на работу на

весь гостевой сезон, как и Энни, которая работала в гостинице «Соединенные Штаты» и других подобных заведениях этого города. А зимними вечерами я играл на скрипке, хотя во время строительства железной дороги между Троем и Саратогой немало потрудился и там.

Живя в Саратогое, я завел себе привычку покупать товары, необходимые для моего семейства, в магазинах Цефаса Паркера и Уильяма Перри – к этим джентльменам я питал чувство глубокого уважения за их многочисленные добрые дела. (И потому 12 лет спустя именно им я отправил письмо, включенное ниже в текст этой книги, которое, попав в руки г-на Нортапа, послужило средством к моему счастливому избавлению.)

В гостинице «Соединенные Штаты» я часто встречал рабов, сопровождавших своих хозяев с Юга. Эти невольники всегда были хорошо одеты, не знали ни в чем недостатка и, казалось, вели легкую жизнь, беспокоясь лишь малым числом ее обычных забот. Не раз они вступали со мной в беседу о рабстве. Почти неизменно обнаруживал я, что они лелеяли тайное желание освободиться. Некоторые из них выражали самое пламенное намерение бежать и советовались со мною, как лучше всего его осуществить. Однако страх наказания, которое непременно последует за их поимкой и возвращением, в каждом случае оказывался достаточным, чтобы отвести их от этого эксперимента. всю свою жизнь дыша свободным воздухом Севера и сознавая, что обладаю теми же чувствами и страстями, которые находят себе пристанище в груди белого человека (более того, сознавая, что обладаю умом, равным уму по крайней мере некоторых людей со светлой кожей) я был слишком несведущ, а может быть, и чересчур независим, чтобы постичь, как кто-то может удовлетворяться жизнью в ужасном положении раба. Я не мог признать справедливости того закона или той религии, которые поддерживают или признают принцип рабства. И ни разу, могу с гордостью сказать, не отказал я в совете ни одному из тех, кто приходил ко мне в надежде увидеть свой шанс и устремиться к свободе.

Я продолжал жить в Саратогое до весны 1841 года. Сладкие ожидания, которые семью годами ранее соблазнили нас уехать из тихого фермерского домика на восточном берегу Гудзона, не осуществились. Мы, хоть и жили в достатке, не особенно преуспели. Общество и знакомства в Саратога-Спрингс – этом всемирно известном водном курорте – не содействовали сохранению прежде свойственных мне простых привычек к трудолюбию и бережливости, а напротив, замещали их иными, тяготеющими к бездеятельности и излишествам.

В то время мы уже были родителями троих детей – Элизабет, Маргарет и Алонсо. Старшей Элизабет шел десятый год. Маргарет была двумя годами младше, а малыш Алонсо только миновал свой пятый день рождения. Дети наполняли наш дом радостью. Их юные голоса звучали музыкой для нашего слуха. Не раз мы с их матерью строили воздушные замки для сих невинных малых. В часы досуга я гулял с ними, одетыми в лучшие одежды, по улицам и рошицам Саратоги. Их присутствие было для меня счастьем; и я прижимал их к своей груди с не менее горячей и нежной любовью, чем если бы их смуглая кожа была белее снега.

До сих пор в истории моей жизни не было совершенно ничего необычного – ничего, кроме земных надежд, и любви, и трудов незаметного чернокожего человека, совершающего свой скромный путь в этом мире. Но ныне я достиг поворотного момента в своем существовании – достиг порога несказанной несправедливости, и скорби, и отчаяния. Отныне вступал я в тень тучи, в густую тьму, где вскоре суждено мне было исчезнуть, скрыться от глаз всех моих родных и потерять из виду милый свет свободы – на много томительных лет.

Глава II

Однажды утром, ближе к концу месяца марта 1841 года, не имея никаких особых дел, требующих моего внимания, я прогуливался по Саратога-Спрингс, размышляя про себя, где бы найти какую-нибудь временную службу, пока не наступит хлопотливый гостевой сезон. Энни, как обычно, отправилась в Сэнди-Хилл, расположенный примерно в 20 милях, чтобы взять на себя заботы о кухне в кофейне Шеррилла на время сессии суда. Элизабет, как мне помнится, отправилась вместе с матерью. Маргарет и Алонсо гостили у тетки в Саратоге.

На углу Конгресс-стрит и Бродвея, подле таверны, которая принадлежала тогда (и, насколько я знаю, поныне принадлежит) мистеру Муну, меня встретили два джентльмена респектабельной наружности, совершенно мне неизвестные. Сдается мне, их представил мне кто-то из моих знакомых, но я напрасно пытался припомнить, кто именно... И, представляя нас, он упомянул о том, что я умелый скрипач.

Во всяком случае, они сразу же завели со мною беседу на эту тему, задавая многочисленные вопросы, касавшиеся моего профессионализма в отношении игры на скрипке. По всей видимости, мои ответы их совершенно удовлетворили, и они предложили нанять меня на краткое время на службу, одновременно уверяя, что я – как раз тот человек, который требовался для их дела. Их звали, как они впоследствии сообщили мне, Меррилл Браун и Абрам Гамильтон, хотя у меня есть серьезные причины сомневаться, что то были их истинные имена. Первый был мужчина лет сорока на вид, довольно низкорослый и плотного сложения, с лицом, указывающим на проницательность и интеллект. Он был одет в черный сюртук и черную же шляпу и говорил, кажется, что живет то ли в Рочестере, то ли в Сиракузах. Второй был юноша с бледным лицом и светлыми глазами, он, насколько я мог судить, еще не миновал своего 25-летия. Он был высок и строен, одет в сюртук табачного цвета, блестящий цилиндр и жилет элегантного покроя. Вся его одежда отражала последние веяния моды. Внешность его была несколько женственной, но располагающей, и еще была в нем некоторая непринужденность, которая указывала, что он не чужд светской жизни.

Джентльмены эти были связаны будто бы с некоей цирковой компанией, тогда находившейся в городе Вашингтоне. И направлялись туда, чтобы присоединиться к цирку, с которым ненадолго расставались, чтобы совершить поездку на Север, дабы посмотреть здешние места (и они, дескать, оплачивают свои расходы, временами устраивая представления). Они сказали, что столкнулись с большими трудностями, пытаясь обеспечить музыкальное сопровождение для своих представлений. И если я соглашусь сопровождать их до самого Нью-Йорка, они будут выдавать мне по одному доллару содержания в день и вдобавок по три доллара за каждый вечер, когда я стану играть на представлениях, а кроме того, вручат мне сумму, достаточную для оплаты расходов на возвращение из Нью-Йорка в Саратогу.

Я сразу же принял соблазнительное предложение – не только по причине обещанного вознаграждения, но и из желания побывать в столице. Джентльмены настаивали на том, чтобы отбыть немедленно. Думая, что отсутствие мое будет кратким, я не счел необходимым отписать Энни, куда направляюсь, предполагая, что вернусь, вероятно, к тому же времени, что и она. Итак, взяв с собой смену белья и скрипку, я был готов к отъезду. Прибыл экипаж – крытая карета, запряженная парой благородных гнедых, – зрелище весьма элегантное. Их багаж, состоявший из трех больших сундуков, был увязан на полку. И вот, взгромоздившись на козлы, в то время как джентльмены заняли свои места позади, я отбыл из Саратоги по направлению к Олбани,

воодушевленный своим новым положением и радостный, каким и был всегда, в любой день своей жизни.

Мы миновали Боллстон и, достигнув дороги Ридж-роуд (кажется, так ее называют), последовали по ней прямо к Олбани. Мы прибыли в этот город до наступления темноты и остановились в гостинице к югу от музея.

В тот вечер я имел возможность наблюдать одно из их представлений – и единственное за все то время, которое провел с ними. Гамильтон стоял на входе; я изображал оркестр, а Браун обеспечивал само развлечение. Оно состояло в жонглировании шарами, танцах на канате, поджаривании блинчиков в шляпе, взвизгивании невидимых поросят и тому подобных трюках чревовещания и ловкости рук. Зрителей было – раз, два и обчелся, да и те не самого избранного толка, а отчет Гамильтона о собранной выручке представил лишь «нищенский набор пустых коробок»[7 - У. Шекспир, «Ромео и Джульетта», акт V, сцена I. – Прим. перев.].

Следующим утром мы спозаранку возобновили свое путешествие. Главной темой беседы моих спутников было выражение страстного желания как можно скорее добраться до цирка. Они спешили вперед, более не останавливаясь ради представлений, и в должное время мы достигли Нью-Йорка, сняв комнаты в доме на западной стороне города, на улочке, сбегавшей от Бродвея к реке. Я полагал, что на этом мое путешествие и кончено, и ожидал, что через день, самое большее через два вернусь к своим друзьям и семейству в Саратогге. Однако Браун и Гамильтон принялись уговаривать меня продолжить вместе с ними путь до Вашингтона. Они утверждали, что теперь, когда приближается летний сезон, сразу же по их прибытии цирк отправится на север. Они обещали мне жилье и высокую оплату, если я стану их сопровождать. Многословно распространялись они о преимуществах, которые это принесет мне, и рассказы их были столь лестного толка, что я наконец согласился принять предложение.

На следующее утро они высказали предположение, что, поскольку мы вот-вот въедем в рабовладельческий штат, было бы хорошо перед отъездом из Нью-Йорка запастись бумагами, удостоверяющими мое вольное положение. Эта мысль показалась мне благоразумной, и такое едва ли пришло бы мне в голову, если бы они не предложили. Мы сразу же отправились, как я понял, в таможенное управление. Они принесли присягу относительно определенных фактов, показывающих, что я – свободный человек. Удостоверение было выписано и вручено нам вместе с указанием отнести его в контору чиновника.

Мы так и сделали, и чиновник внес в него некое дополнение, за что ему было уплачено шесть шиллингов, а затем мы вернулись снова в таможенное управление. Прежде чем дело было сделано, пришлось пройти еще кое-какие формальности. Затем, уплатив офицеру два доллара, я уложил бумаги в карман и отправился вместе с моими двумя друзьями в нашу гостиницу. Должен признаться, в то время я думал, что бумаги эти едва ли стоят тех денег, которые мы за них уплатили, – ни малейшего предчувствия угрозы моему личному благополучию у меня не возникало ни на секунду. Помнится мне, что чиновник, к которому нас направили, сделал служебную запись в большой книге, которая, я полагаю, по-прежнему находится в той же конторе. Обращение к записям, сделанным в самом конце марта или 1 апреля 1841 года, не сомневаюсь, удовлетворит недоверчивых, – по крайней мере, в той части, которая касается этого конкретного дела.

Теперь, обладая доказательством моей свободы, на следующий день после нашего прибытия в Нью-Йорк мы переправились на пароме в город Джерси и тронулись в путь дорогой на Филадельфию. Здесь мы заночевали, продолжив рано утром наше путешествие на Балтимор. В должное время мы прибыли в этот город и остановились там в гостинице подле железнодорожного депо, которую то ли держал некий мистер Рэтбоун, то ли называлась «Рэтбоун-Хаус». Всю дорогу после Нью-Йорка стремление моих спутников добраться до цирка, казалось, более и более усиливалось. Мы оставили экипаж в Балтиморе и, сев в поезд, проследовали в Вашингтон, куда прибыли прямо перед наступлением ночи, в канун похорон генерала Харрисона[8 - Уильям Генри Харрисон (или Гаррисон, 1773–1841) – американский военачальник, политик и девятый президент Соединенных Штатов (с 4 марта по 4 апреля 1841 г.).], и остановились в гостинице Гэдсби на Пенсильвания-авеню.

После ужина они позвали меня в свои апартаменты и уплатили мне 43 доллара, сумму бо?льшую, чем должно было составлять мое жалованье. Сей акт щедрости они объяснили тем, что на протяжении нашей поездки из Саратоги выступали мы куда реже, чем дали мне повод ожидать. Затем они сообщили мне, что цирковая компания намеревалась отбыть из Вашингтона следующим утром, но из-за похорон было решено остаться в городе еще на один день. В тот вечер, как и все время с нашей первой встречи, они были крайне добры. Они не упускали ни одной возможности обратиться ко мне с одобрительными речами; и я проникся к ним чрезвычайным расположением. Я ничуть не сомневался в них и добровольно доверился бы им едва ли не в чем угодно. Их всегдашние разговоры и манера держаться со мной – их предусмотрительность, выразившаяся в идее о документе, удостоверяющем мою свободу, и сотня

других мелких любезностей, которые нет нужды здесь излагать, – все это указывало на то, что они действительно мои друзья, искренне заботящиеся о моем благополучии. Иначе как друзьями я их и не считал. Мне трудно поверить, что они были повинны в том великом злодеянии, в котором я ныне полагаю их виновными. Были ли они соучастниками моих несчастий – коварными и бесчеловечными чудовищами в облике людском, – ради золота преднамеренно сманившими меня прочь от дома и семьи, от свободы? У того, кто читает эти страницы, будет ровно такая же возможность определить, как и у меня самого. Если они были неповинны, то мое внезапное исчезновение, должно быть, действительно было для них необъяснимым. Однако, серьезно размышляя обо всех сопутствующих обстоятельствах, я еще ни разу не смог составить в их пользу столь благое предположение.

После того как я получил от них деньги, которые у них, казалось, водились в изобилии, они посоветовали мне не выходить на улицы этим вечером, тем более что обычаи этого города не были мне знакомы. Пообещав принять их совет к сведению, я оставил их вдвоем, и вскоре темнокожий слуга проводил меня в спальню в задней части гостиницы, на первом этаже. Я улегся отдыхать, думая о доме и жене, о своих детях и о дальнем расстоянии, что пролегло между нами, и так думал, пока не уснул. Но добрый милосердный ангел не явился к моему ложу, умоляя меня бежать, – глас милосердия не предостерег меня в моих сновидениях об испытаниях, которые были уже на пороге.

На следующий день Вашингтон был свидетелем пышного зрелища. Воздух был наполнен ревом пушек и звоном колоколов, многие дома были завешены черным крепом, а улицы заполнены людьми, облаченными в траур. С наступлением дня показалась процессия, медленно двигавшаяся по авеню длинной вереницей, экипаж за экипажем, а тысячи и тысячи людей следовали за нею пешком – и все двигалось в такт траурной музыке. Они сопровождали мертвое тело Харрисона к могиле.

С раннего утра Гамильтон и Браун не отходили от меня ни на миг. Они были единственными людьми, которых я знал в Вашингтоне. Мы стояли вместе, пока похоронная процессия шла мимо. Я отчетливо помню, как лопалось и сыпалось со звоном на землю оконное стекло после каждого выстрела пушки, из которой палили на кладбище. Мы отправились к Капитолию и долго гуляли в его окрестностях. В полдень спутники мои устремились к дому президента, неотступно удерживая меня рядом с собою и указывая на разнообразные достопримечательности. До сей поры я не видел ничего похожего на цирк.

В сущности, я почти и не думал о нем среди треволнений того дня.

В тот день друзья мои несколько раз заходили в питейные заведения и требовали себе выпивку. Однако насколько я их успел узнать, прежде они не имели привычки чрезмерно излишествовать. В эти моменты, позаботившись о себе, они потом наливали стаканчик и угощали меня. Я не опьянел – хотя так можно было бы подумать, судя по тому, что произошло впоследствии.

Ближе к вечеру, вскоре после принятия одного из таких подношений, у меня появились чрезвычайно неприятные ощущения. Я почувствовал себя совсем худо. У меня начала болеть голова – тупой, тяжелой болью, невыразимо неприятной. За ужином я сел к столу без аппетита; вид и запах пищи вызывали у меня тошноту. После наступления сумерек все тот же слуга сопровождал меня в комнату, которую я занимал накануне ночью. Браун и Гамильтон посоветовали мне отдохнуть, сочувствуя мне со всей возможной добротой и выражая надежду, что к утру я оправлюсь. Едва избавившись от пальто и сапог, я рухнул на постель. Заснуть было невозможно. Боль в голове продолжала нарастать, пока не сделалась почти невыносимой. В скором времени меня начала мучить жажда. Губы мои пересохли. Я не мог думать ни о чем, кроме воды – об озерах и текущих реках, о ручьях, к которым я наклонялся, чтобы попить, и о мокрых ведрах, поднимающихся вместе со своим прохладным и переливающимся через край сладостным нектаром из глубины колодца. Ближе к полуночи, насколько я могу судить о времени, я поднялся, будучи не в силах больше выносить столь сильную жажду. В этом доме я был чужим и не знал ничего о его расположении. Насколько я мог понять, все уже спали. Обшаривая наудачу один коридор за другим, сам не знаю как, но я все же добрался до кухни на первом этаже. Двое или трое цветных слуг суетились в ней, и одна из них дала мне два стакана воды. Вода на некоторое время облегчила мои мучения, но к тому времени, как я снова добрался до своей комнаты, все то же жгучее желание пить, все та же мучительная жажда снова вернулась. Она стала даже еще более неистовой, чем прежде, как и безумная боль в голове, – если такое вообще возможно. Я метался в горьких мучениях – в совершенно нестерпимых страданиях. Казалось, я стоял на грани сумасшествия. Память об этой ночи и ее чудовищных мучениях не покинет меня до могилы.

Через час или около того после моего возвращения из кухни я почувствовал, что кто-то вошел в мою комнату. Людей, похоже, было несколько (до меня доносился смешанный ропот голосов), но сколько их было и кто они были, я не могу сказать. Были ли среди них Браун и Гамильтон – остается только догадываться.

Могу лишь припомнить с некоторой степенью ясности, как мне было сказано, что надо пойти к врачу и принять лекарство, и как, натянув сапоги, не взяв ни пальто, ни шляпу, я последовал за ними по длинному коридору или проходу между домов на открытую улицу. Улица шла под прямым углом от Пенсильвания-авеню. На противоположной стороне в одном из окошек горел свет. Сдается мне, что тогда со мною было три человека, но утверждать этого определенно я никак не могу – настолько все туманно и похоже на воспоминание о болезненном сне. Путь к этому свету, который, как я воображал, горел в кабинете доктора и словно бы угасал по мере моего приближения, – последнее тусклое воспоминание, которое я ныне способен пробудить в памяти. С этого мгновения я лишился чувств. Долго ли я оставался в этом состоянии – только в ту ночь или много ночей и дней подряд – не знаю; но, когда сознание ко мне вернулось, я оказался в одиночестве, в полной темноте и в цепях.

Головная боль до некоторой степени утихла, но я был крайне слаб и чувствовал дурноту. Я сидел на низкой скамье, сколоченной из грубых досок, без пальто и без шляпы. На руках у меня были наручники. Лодыжки мои тоже были закованы в тяжелые кандалы. Один конец цепи был прикреплен к большому кольцу, вделанному в пол, другой – к кандалам на ногах. Напрасно пытался я подняться на ноги. Очнувшись от столь болезненного транса, я не сразу сумел собраться с мыслями. Где я? Что означают эти цепи? Где Браун и Гамильтон? Что сделал я такого, чтобы заслужить заключение в таком подzemелье? Я не мог понять.

Была какая-то пауза неопределенной продолжительности, предшествовавшая моему пробуждению в этом безлюдном месте, событий которой я никак не мог припомнить, сколько бы ни напрягал свою память. Я усиленно прислушивался, надеясь уловить какой-либо признак или звук жизни, но ничто не нарушало гнетущего молчания, кроме звяканья моих цепей, раздававшегося всякий раз, когда я случайно шевелился. Я заговорил было вслух, но самый звук моего голоса испугал меня. Я ощупал свои карманы, насколько позволяли кандалы. Однако этого хватило, чтобы удостовериться, что меня не только лишили свободы, но и все мои деньги и бумаги, удостоверяющие, что я свободный человек, тоже исчезли. Тогда-то у меня в голове начала складываться мысль, поначалу смутная и спутанная, что меня похитили. Но я отринул ее как невероятную. Должно быть, случилось какое-то недопонимание – какая-то злосчастная ошибка. Не может быть такого, чтобы со свободным гражданином штата Нью-Йорк, который не причинил зла ни одному человеку, не нарушил ни одного закона, могли обращаться настолько бесчеловечно. Однако чем более я размышлял о своем положении, тем тверже укреплялся в подозрениях. Право, то

была безрадостная мысль. Я чувствовал, что в бессердечных людях нет ни веры, ни милосердия, – и, препоручив себя Богу всех угнетенных, опустил голову на скованные цепями руки и горько заплакал.

Глава III

Миновало около трех часов. Все это время я просидел на низкой скамье, погруженный в печальные размышления. Через некоторое время я услышал крик петуха, а вскоре за ним – отдаленный грохот, словно от спешивших по улицам экипажей, и понял, что наступил день. Однако ни единый луч света не проникал в мою темницу. Наконец прямо над моей головой раздались шаги, точно кто-то расхаживал там взад-вперед. Мне пришло в голову, что я, должно быть, нахожусь в подземной камере, и влажные, затхлые запахи этого места подтвердили мое предположение. Шум наверху продолжался по меньшей мере час, а потом наконец я услышал шаги, приближавшиеся снаружи. Ключ загремел в замке – крепкая дверь распахнулась на своих петлях, впустив целый водопад света, и двое мужчин вошли и встали передо мною.

Один из них был крупный, мощный здоровяк лет примерно сорока, с темными каштановыми волосами, слегка побитыми сединой. Лицо его было полным, щеки – румяными, черты отличались необыкновенною грубостью и не выражали ничего, кроме жестокости и жадности. Ростом он был около пяти футов десяти дюймов [9 - 175 см.], плотного телосложения. И, да позволено мне будет сказать без всякой предвзятости: всей своей внешностью он производил впечатление угрожающее и отталкивающее. Как я узнал впоследствии, звали его Джеймсом Г. Берчем – он был известным работником в Вашингтоне. В ту пору в своих делах он был связан с партнером, Теофилусом Фриманом из Нового Орлеана. Человек, сопровождавший его, был простой лакей по имени Эбинизер Рэдберн, он служил всего лишь тюремщиком. Оба эти человека по-прежнему живут в Вашингтоне (по крайней мере, жили в то время, когда я возвращался через этот город из неволи в прошлом январе).

Свет, вливающийся через открытую дверь, дал мне возможность окинуть взглядом помещение, в котором я был заключен. Это была квадратная комната

со стороны около 12 футов[10 - 3 м 65 см.] – со стенами из прочной кирпичной кладки. Пол был сложен из грубых досок. Единственное маленькое окошко, перечеркнутое крест-накрест прочной железной решеткой, было наглухо заперто наружной ставней.

Окованная железом дверь вела в соседнюю камеру, или погреб, полностью лишенный окон и любого другого средства освещения. Обстановка комнаты, где я находился, состояла из деревянной скамьи, на которой я сидел, и старомодной грязной дровяной плиты. И кроме этого, ни в одной из камер не было ни постели, ни одеяла, ни какого-либо другого предмета. Дверь, через которую вошли Берч и Рэдберн, вела в короткий коридор, упирившийся в пролет лестницы, поднимавшейся во двор, окруженный кирпичной стеною 10–12 футов[11 - 3–3,65 м.] в высоту, стоявшей сразу позади здания той же ширины, что и она сама. Двор простирался назад от дома футов на тридцать[12 - 9 м.]. В одной части стены имелась надежно окованная железом дверь в узкий крытый переход, ведущий вдоль одной стены дома на улицу. Судьба цветного, за которым закрывалась эта дверь, была решена. Верхняя часть стены поддерживала один конец поднимавшейся внутрь крыши, образующей нечто вроде навеса. Под этой крышей был жалкий сеновал, где рабы могли спать ночью или укрываться в непогоду. Он был почти во всем подобен фермерскому скотному двору, за одним исключением: выстроен он был таким образом, чтобы внешний мир никогда не видел загнанного туда человеческого скота.

Здание, к которому примыкал двор, имело два этажа и выходило на одну из главных улиц Вашингтона. С внешней стороны оно выглядело как тихая частная резиденция. Прохожий, взглянув на него, ни за что не догадался бы о его отвратительном применении. Как ни странно, из этого здания был хорошо виден Капитолий, озиравший окрестности с высоты своего роста. Голоса представителей народа, похваляющегося свободой и равенством, и лязганье цепей несчастных рабов почти смешивались там. Подумать только – невольничий загон под самой сенью Капитолия!

Таково точное описание невольничьего загона Уильямса в Вашингтоне, каким он был в 1841 году и в одном из подвалов которого я обнаружил себя столь необъяснимо заключенным.

– Ну, мой мальчик, как ты теперь себя чувствуешь? – спросил Берч, входя сквозь открытую дверь. Я ответил, что худо, и осведомился о причине моего заключения. Он сказал, что я – его раб, что он купил меня и собирается отослать

в Новый Орлеан. Я принялся уверять его, громко и смело, что я свободный человек – житель Саратоги, где у меня есть жена и дети, которые тоже свободные люди, и что я ношу фамилию Нортап. Я горько жаловался на странное обращение, с которым меня здесь приняли, и грозился по своему освобождению потребовать с него удовлетворение за нанесенный ущерб. Он отрицал, что я вольный, и, ругаясь на чем свет стоит, объявил, что я будто бы родом из Джорджии. Вновь и вновь твердил я, что никому не раб, и настаивал, чтобы он немедленно снял с меня цепи. Он пытался утихомирить меня, словно боялся, что кто-то нас подслушает. Но я не желал умолкнуть и объявил виновников моего пленения, кто бы они ни были, отъявленными злодеями. Обнаружив, что успокоить меня не удастся, он все больше и больше разъярялся. С богохульными проклятиями он обзывал меня черномазым лжецом, беглым из Джорджии, и всеми прочими низкими и вульгарными эпитетами, какие только могла бы себе представить самая недостойная фантазия.

В течение всего этого времени Рэдберн молча стоял рядом. Его делом было надзирать за этим человеческим – или, скорее, бесчеловечным – хлевом, принимать рабов, кормить и сечь их – за плату в два шиллинга с головы в день. Развернувшись к нему, Берч велел принести паддл[13 - Деревянная лопатка в форме короткого весла, применявшаяся для телесных наказаний.] и «кошку-девятихвостку». Рэдберн исчез за дверью и через несколько мгновений возвратился с этими инструментами пытки. Паддл – как он именуется на жаргоне тех, кто бьет рабов – по крайней мере тот, с которым я впервые познакомился и о котором ныне говорю, представлял собою кусок твердой доски, около 18 или 20 дюймов[14 - 50 см.] в длину, вырезанный в форме старомодного загребного шеста или обычного весла. Плоская его часть, которая в окружности составляла примерно две раскрытые ладони, была в нескольких местах просверлена буравчиком. Упомянутая «кошка» оказалась толстой веревкой из множества прядей – пряди были расплетены, и на конце каждой завязан узел.

Как только явились эти чудовищные орудия наказания, они вдвоем схватили меня и грубо избавили от одежды. Ноги мои, как я уже говорил, были привязаны к полу. Перегнув меня через скамью лицом вниз, Рэдберн придавил своей тяжелой стопой цепь наручников между моими руками, старательно пригвоздив их к полу. Вооружившись паддлом, Берч принялся бить меня. Удары один за другим сыпались на мое обнаженное тело. Когда его безжалостная рука устала, он остановился и осведомился, по-прежнему ли я настаиваю на том, что я свободный человек. Я продолжал настаивать, и тогда удары возобновились, еще быстрее и энергичнее, чем прежде, насколько это возможно. Опять утомившись,

Берч повторил тот же самый вопрос – и, получив тот же ответ, продолжил свой жестокий труд. Все время избиения этот воплощенный дьявол изрыгал самые демонические проклятия. Под конец паддл переломился, оставив в его руке бесполезную рукоять. Но я по-прежнему не сдавался. Эти жестокие удары не помогли исторгнуть из моих уст гнусную ложь о том, что я раб. Берч в бешенстве швырнул на пол рукоять сломанного паддла и схватился за плеть. Это второе орудие причиняло куда более сильную боль. Я изо всех сил пытался вырваться, но напрасно. Я умолял о милосердии, но в ответ на мои мольбы сыпались лишь проклятия и новые удары. Я уж думал, что умру под плетью этого зверя. Даже сейчас плоть будто норовит слезть с моих костей, когда я вспоминаю ту сцену. Я весь горел. Такие страдания я не могу сравнить ни с чем, кроме жгучих мучений преисподней.

Под конец я умолк и перестал отвечать на его повторявшиеся вопросы. Я не хотел отвечать. В сущности, я был уже неспособен говорить. А он продолжал безжалостно охаживать плетью мое несчастное тело, пока мне не стало казаться, что израненная плоть отрывается от костей при каждом ударе. Человек, у которого есть хоть капля милосердия в душе, не стал бы так бить даже собаку. Спустя некоторое время Рэдберн заметил, что бесполезно продолжать меня сечь – я, мол, и так буду весь в синяках. После этого Берч прекратил свое занятие. Напоследок, угрожающе взмахнув кулаком перед моим лицом и с шипением выдавливая слова сквозь плотно стиснутые зубы, он изрек, что если я еще хоть раз посмею заикнуться, будто имею право на свободу, что меня похитили или нечто в этом роде, то нынешнее наказание покажется мне ничем в сравнении с тем, что последует тогда. Он поклялся, что либо подчинит меня, либо убьет. С этими утешительными словами с меня сняли наручники, но ноги оставались по-прежнему прикованными к кольцу. Ставень на зарешеченном окошке, который было откинули, вернули на место, и, когда они вышли, заперев за собою массивную дверь, я остался в полной темноте, как и прежде.

Сцена в невольничьем загоне в Вашингтоне

Спустя час или, может быть, два сердце мое затрепетало в груди, когда в двери снова заскрежетал ключ. Я, которому было так одиноко, который так пламенно жаждал увидеть хоть кого-нибудь, неважно кого, теперь содрогался при мысли

о приближении человека. Человеческое лицо внушало мне страх, особенно лицо белого. Вошел Рэдберн. Он держал оловянную тарелку с куском ссохшейся жареной свинины и ломтем хлеба и чашку воды. Он спросил, как я себя чувствую, и отметил вслух, что я получил довольно суровую порку. Он принялся увещевать меня – мол, глупо упорствовать, что я будто бы вольный.

В покровительственной и доверительной манере он намекал: чем меньше я буду говорить об этом, тем для меня же лучше. Рэдберн явно пытался казаться добрым: то ли его тронуло зрелище моего печального состояния, то ли он стремился удержать меня от дальнейших заявлений о моих правах – сейчас уже нет нужды это домысливать. Он снял кандалы с моих щиколоток, распахнул ставни на окошке и ушел, вновь оставив меня одного.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Г. Бичер-Стоу говорит об удивительном совпадении событий сочиненного ею романа с предлагаемым читателю документальным повествованием Нортапа. Эпиграф отсылает нас к книге Г. Бичер-Стоу, выпущенной спустя год после публикации ее «Хижина дяди Тома» (1852). «Ключ...» вышел в ответ на многочисленные обвинения в том, что события ее нашумевшего романа о пожилom рабе-негре – неправдоподобная выдумка. «Ключ к Хижине дяди Тома», среди прочего, содержал документальные материалы, подтверждающие совпадение творческого прозрения писательницы с реалиями жизни рабов американского Юга. (Гарриет утверждала, что «Хижина...» не была калькой с чьей-то истории, а лишь ее собственным художественным промыслом, которым руководил сам Бог.) – Прим. ред.

2

Речь, видимо, идет об отмене рабства. В 1854 году в США появилась Республиканская партия, стремившаяся запретить рабство негров на Юге и Западе США. В 1860 году президентом США стал представитель этой партии Авраам Линкольн. А в 1861-м началась Гражданская война (война Севера и Юга), результатом которой стала полная отмена рабства. (Юридически это произошло на два года позже, чем в России.) – Прим. ред.

3

Уильям Коупер (1731–1800) – английский поэт, один из деятелей английского «возрождения поэзии» начала XX в.; цитата из поэмы «Задача».

4

Здесь читателю стоит напомнить, что в северных штатах, к которым принадлежит и штат Нью-Йорк, рабство было отменено гораздо раньше, чем на американском Юге, куда потом и угодил герой повествования. – Прим. ред.

5

Джон Бургойн (1730–1792) – английский генерал, главнокомандующий британскими войсками, в 1777 г. в результате сражения при Саратоге сдался республиканским войскам. – Прим. перев.

6

10 гектаров.

7

У. Шекспир, «Ромео и Джульетта», акт V, сцена I. – Прим. перев.

8

Уильям Генри Харрисон (или Гаррисон, 1773–1841) – американский военачальник, политик и девятый президент Соединенных Штатов (с 4 марта по 4 апреля 1841 г.).

9

175 см.

10

3 м 65 см.

11

3–3,65 м.

12

9 м.

13

Деревянная лопатка в форме короткого весла, применявшаяся для телесных наказаний.

14

50 см.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/solomon-nortap/12-let-rabstva-realnaya-istoriya-predatelstva-pohischeniya-i-sily-duha-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)